

красных врагов. Сам Григорьев был убит. Совершенно очевидно, что такой же жалкий, позорный конец ожидает Миронова, только еще скорее. Григорьеву удалось все же на время утаить за собой несколько тысяч обманутых темных крестьян под руководством кулаков. Миронов же с самого начала увидел в своей стороне только жалких отен приверженцев. Как все прогоревшие авантюристы, Миронов распускает слухи о своей силе, о том, что за ним 7000 сабель и прочее. На деле же за ним нет и 700.

Восстав против советской власти, украинский атаман Григорьев через неделю вступил в сношения с Девякинныи; ища у него защиты и поддержки. Миронов, как известно, клятвенно уверяет, что Девякин ему не друг, а враг. Но какой же глупец ставит верить клятвам изменника Миронова? Девякин говорит себе, Миронов восстал против советской власти, стало-быть, Миронов мне, Девякину, помощник. Миронов говорит себе: Девякин воюет против ненавистной мне советской власти, стало-быть, Девякин мне защитник и опора. Рука руку моет: Девякин не мешает Миронову, Миронов помогает Девякину. Нет никакого сомнения, что между ними уже натягиваются тайные связи, тайные посредники переходят из Девякинского лагеря в Мироновский и обратно—за спиной одурченных Мироновым казаков.

Что же будет далее? Предсказать не трудно. Миронов сунется в одно место, в другое, попытается внести смуту в 23-ю дивизию, которой он раньше командовал. Никто за ним не пойдет. Кулаки не пойдут, потому что у них есть свой вождь, более надежный, более сильный—Девякин. Трудовые казаки не пойдут, потому что им нужен не наказной атаман Миронов, а власть трудовых казацких депутатов.

Авантюра Миронова лопнет, как мыльный пузырь, причина, однако, не малый вред делу трудящихся масс. В мозгу Миронова история коблет осиновый кол, как заслуженный памятник презренному авантюристу и жалкому изменнику.

Валаткин,
13 сентября 1918 г.

Л. ТРОЦКИЙ.